

Вспоминает Наталия ТРАУБЕРГ¹

Вильнюсские старушки были, конечно, женщинами своего церковного времени, на это надо делать поправку, но я к этому как-то приспособливалась. Встретила я их в 1979 году, когда снова переехала в Вильнюс, почти сразу же, но не помню, как². Они мне очень понравились, хотя прошло двадцать лет с тех пор, как я увидела первых католиков, и во многих чертах бытового католичества узнала что-то исключительно умиленное; в конце семидесятых мне уже так не казалось. И тем не менее сестры произвели на меня впечатление чрезвычайно милое тем, что были они добрыми. Злых верующих я уже навидалась за прошедшие пятьдесят лет жизни, да и двадцать лет знакомства с католиками было достаточно, — в каждой конфессии есть жесточайшие, абсолютно озверелые верующие, — и как это сочетается с Евангелием, не знаю³. Вот у сестер я этого не заметила. Они были мягкими, человечески добрыми и милыми женщинами, и в течение четырех с половиной лет моего общения с ними ощущение это примерно так и осталось.

Две из них — простая крестьянка Лёдя (сестра Маргарита) и матушка Антонина⁴ — были действительно сердечными женщинами, искренне страдающими, когда кто-то заболел, очень любившими помогать просто так. Жили они в крохотной квартирке на улице Дзуку, где были на балконе маргаритки и незабудки, были уютные трогательные обеды с неизменным сладким. Жили они бедно, но Лёдя заготавливала летом какие-то ягоды, зимой из них варили кисели, покупали конфеты "Коровка". Все это придавало какой-то уютнейший оттенок, напоминавший мне французское католичество моего детства (у меня была учительница французского языка мадмуазель Мари Маньен и книжки графини де Сегюр, где была изображена такая жизнь).

Сестра Филомена⁵ была другой. Очень интеллигентная, изященькая, из старой польско-литовской аристократии, она производила самое нежное впечатление своими желтовато-фиалковыми глазками, но речи ее иногда просто поражали. Например, сверкая глазами, она говорила, что каждый ответственен за все свои дела, причем, приписывала это буквально всем, абсолютно каждому человеку, независимо от того, насколько он вменяем или поддается влиянию других, или, вообще, способен самостоятельно думать и выбирать. Все эти тончайшие, разработанные именно в католичестве вещи для нее не существовали, у нее получалась полная жесткость, как в кальвинизме, хотя, казалось бы, исходила она из прямо противоположных предпосылок.

Я помню, как наши тайные молодые отцы сидят, слушают, как она, сверкая глазами, говорит: «Наказывать всех поголовно, ведь каждый ответственен за все, где бы он ни вырос, в какой семье, независимо от степени его развития, психического и нравственного, всех и каждого — под нож». И так она это радостно повторяла, что один из молодых отцов

¹ Интервью проведено Маргаритой Курганской. Текст расшифрован Ольгой Мироновой.

² Очевидно, меня повел Андрюша, но как я познакомилась с ним, тоже не помню; возможно, что у меня было к ним что-то от Норы Николаевны.

³ По-видимому, той стороной, какой они ненавидят зло, ненавидят — и наказывают собственными руками без всяких притч о плевелах.

⁴ Кузнецова Валентина (Антонина) Васильевна. Справка на нее и нижеследующих приведена в конце статьи, в "Алфавите упоминаемых лиц".

⁵ Эйсмотн Софья (Филомена) Владиславовна.

сказал: «Я сейчас процесс начну, по обвинению в пелагианстве!»⁶ Но сестра таких вещей не знала, и это вносило какой-то игрушечный элемент в ее нетерпимость.

Однажды, в 1982-1983 годах, в очень тяжелый период, связанный с Афганистаном и арестами наших знакомых, мы пошли с ней в какой-то храм, потом сидели на скамеечке, и она вдруг стала радостно объяснять, почему так наказывают людей. Невозможно передать ужас, охвативший меня, — глубоко верующий человек радуется, что людей так жестоко наказывают. Но что было делать? Ответить ей резко нельзя, она очень старый человек, сидевший полжизни в лагерях. Некоторые из сестер тоже готовы были вести разговоры о кострах⁷, но их матушка Антонина сразу гасила.

В нашей общине была матушка Антонина с сестрами Маргаритой, Магдалиной⁸, Екатериной Риччи⁹, совсем старенькой, мы с отцом Домиником, иногда приезжал еще кто-нибудь, — так что во время служб бывало семь и более человек. Литургия в крохотной квартирке матушки Антонины проходила каждое воскресенье и была замечательна. Интересно, что несколько раз во время литургии звонили в дверь квартирки, но ни разу никто из сестер не открывал. Причем, звонили непременно в самый евхаристический канон. Но все оставались на коленях, и звонок прекращался. Что это было, я не знаю.

Иногда там бывала и адорация¹⁰. Когда в крохотной комнатке сестер было мало народу и перед Св. Дарами оставались один или двое, то это действительно была квартирка-храм. Но когда стояли и поклонялись Св. Дарам много народа, то это было как-то не целомудренно, что ли. Сестры были глубоко благочестивыми женщинами, заплатившими за свою веру страшными страданиями. Было трогательно наблюдать, когда сестра заходила в комнатку с алтарем и молилась там часа два.

Иногда мы не сходились с ними, а когда они спорили с одним священником, приезжавшим из деревни, как переводить "Ave Maria", то мне казалось, что я присутствую при сцене из Ионеско, — они говорят почти одно и то же, но каждый друг друга не понимает и сердится при этом. Но в этом тоже что-то было, вся их жизнь была благочестием, не пласт жизни, а вся жизнь, и, если они были наивными, то как-то иначе.

В те страшные 1979-1984 годы, я как будто очутилась в какой-то детской сказке, в чем-то очень христианской и умирительной. Если сравнивать дух прекрасной Франции, воплощенный в маленькой Девочке Марии, то крохотная квартирка на Дзуку как раз и была в моей душе такой маленькой девочкой из католической книжки. Вспоминается это как что-то прекрасное, но совершенно непереносимое на нас, на наши тяжкие души, наш совсем другой опыт. Если мы будем в это играть, то у нас ничего не выйдет. Этим можно умиляться, но мы изобразить это не сможем, мы —

⁶ Пелагианство — богословская теория, согласно которой первородный грех не влияет на человеческую природу, а человек не ограничен в свободе воли и по-прежнему способен выбирать добро или зло без помощи Бога.

⁷ Уже после Папы Иоанна XXIII и даже II Ватиканского собора некоторые молодые люди, обращавшиеся в католичество, считали возможным проповедовать, что жгли людей — это не людей, а еретиков. Сказала это одна старая женщина, но с восторгом повторяла молодой, только что крестившийся католик.

⁸ Сеген Ромуальда.

⁹ Соколовская Мария (Екатерина Риччи) Филипповна.

¹⁰ Адорация (поклонение Святым Дарам) — в Католической Церкви разновидность внелитургического почитания Святых Даров, освященных в ходе Евхаристии

совсем другие. Это — как прекрасный остров в газовой камере — с маргаритками, незабудками и конфетами "Коровка", такое детское, нетрагическое католичество. Оно мне было дано в утешение тогда.

Сестры были очень искренни, ничего фарисейского в них не было, какая-то особая чистота. В квартирке в разные времена года был особенный свет, который так странно сам отражался от противоположных стекол. То ли рано утром, то ли поздно вечером что-то в квартирке сверкало, создавая детский и очень трогательный эффект. Вообще, католическая практика через свою детскую сторону дает причастность к какому-то особенно преображенному миру, который любил описывать Честертон. И я, такой библейский мятежник, там, в их квартирке, не страдала, наверное, потому, что все было невероятно искренне, и не просто искренне, а залито каким-то ангельским, детским благочестием.

Алфавит упоминаемых лиц

КУЗНЕЦОВА Валентина (Антонина) Васильевна, родилась в 1897 в Санкт-Петербурге. Окончила гимназию. Проживала в Москве. Перешла в католичество; позднее пострижена в монахини с именем Антонина. 8 марта 1924 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в с. Инкино Нарымского. 9 мая 1927 — освобождена из ссылки с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживала в Костроме, с 1930 — в Одессе, затем в Краснодаре, позднее в Ставрополе, с 1934 — в Тамбове. 1 февраля 1935 — арестована по групповому делу. 16-19 ноября 1935 — на судебном процессе оправдана и освобождена. Проживала в Малоярославце. В 1941 — арестована, приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг. В 1945 — освобождена и вернулась в Малоярославец; с осени 1948 — в Калуге. 3 апреля 1949 — арестована по групповому делу за шпионаж в пользу Ватикана. 29 октября 1949 — приговорена к 15 годам ИТЛ и отправлена в Ангарлаг. 14 июня 1956 — освобождена из лагеря досрочно, поселилась у сестры в пос. Лесной Калининградской, с 1958 — в Вильнюсе в квартире сестер-доминиканок. 9 октября 1989 — скончалась в Вильнюсе.

СОКОЛОВСКАЯ Мария (Екатерина Риччи) Филипповна, родилась в 1902 в д. Большие Немерицы Проскуровского уезда Подольской губ. Окончила 4-х классную сельскую школу. В 1920-е — проживала в Петрограде, затем переехала в Москву, работала прислужой в семьях. С юных лет имела призвание к монашеской жизни, но долгие годы из-за сложных жизненных обстоятельств не могла осуществить его. В 1946 — приехала в Малоярославец, вступила в общину сестер-доминиканок, позднее пострижена в монахини с именем Екатерина Риччи. Осенью 1948 — переехала в Калугу; 3 апреля 1949 — арестована там по групповому делу. 10 октября 1949 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Воркутлаг (пос. Абезь); в 1954 — переведена в инвалидный дом в Ухте. В июле 1956 — освобождена из лагеря; в конце августа выехала в Вильнюс, до 1974 — проживала там со слепой женщиной в маленькой комнатке, затем — с сестрами-доминиканками. 28 марта 1985 — скончалась в Вильнюсе.

ЭЙСМОНТ Софья (Филомена) Владиславовна, родилась в 1900 в Вильно. Проживала в Москве. Окончила гимназию, поступила в консерваторию. Летом 1923 — перешла в восточный обряд и вступила в общину монахинь-доминиканок. 8 марта 1924 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в с. Обдорск Нарымского, работала машинисткой в учреждении. 9 мая 1927 — освобождена с запретом проживания на 3 года (-6). Проживала в Краснодаре, давала частные уроки музыки. 22 июля 1929 — пострижена в монахини с именем Филомена. Осенью 1930 — выехала в Одессу, затем — в Смоленск, с 1931 — в Москве, работала машинисткой в банке, с марта 1933 — в Рязани. 15 августа 1933 — арестована по групповому делу. 19 февраля 1934 — приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в Бамлаг, со 2 февраля 1935 — в Ухтпечлаге, с 1938 — в Воркутлаге. 23 июня 1942 — освобождена с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживала в Куйбышевской области, с 1943 — в Уральске, с марта 1947 — в Малоярославце, с апреля 1947 — в Калуге. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу. 17 августа 1949 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Тайшетлаг; позднее — в Ангарлаг. 3 ноября 1954 — освобождена досрочно и выслана в Казахстан. 26 мая 1956 — освобождена досрочно, выехала в местечке Майшогиала под Вильнюсом к сестрам-доминиканкам, позднее — в Вильнюсе. 25 февраля 1993 — скончалась в Вильнюсе.